

Ю. К. БЕГУНОВ

Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском

Возникновение Жития Александра Невского связано с Владимирским Рождественским монастырем, где князь был похоронен. Первоначально, со слов митрополита Кирилла и эконома этого монастыря Севастьяна, возникла легенда о чуде с духовной грамотой, якобы совершившемся при погребении тела князя Александра 23 ноября 1263 г., а в начале 80-х годов XIII в. один из монахов Рождественского монастыря написал Житие Александра Невского.

В последующие столетия, в связи с возрастающей популярностью культа Александра Невского — открытием его мощей после Куликовской битвы в 1381 г., общерусской канонизацией в феврале 1547 г. и распространением его почитания повсеместно — текст первой редакции Жития Александра Невского неоднократно переделывался, дополнялся, изменялся; иногда менялся стиль всего произведения, иногда — композиция, и почти всегда — идеи произведения. Так, «вторая редакция» Жития (новгородско-московская), 30—50-х годов XV в., приспособляла текст Жития для общерусской летописи, третья — новгородская, второй половины XV в. — для кратких чтений проложного типа, четвертая — московская, конца 30—начала 40-х годов XVI в. — для Никоновской летописи; пятая — владимирская, середины XVI в. для Великих четьих миней митрополита Макария; шестая — псковская, Василия-Варлаама, середины XVI в.; седьмая — московская, 1563 г. — для «Степенной книги», восьмая — новгородская, третьей четверти XVI в., девятая — Проложная, конца XVI в., десятая — владимирская, 1591 г., Ионы Думина.

Заметную роль в литературной переработке старых и создании новых редакций Жития играли в XVI—XVII вв. монахи Владимирского Рождественского монастыря. Внимание к культу Александра Невского со стороны правительственных кругов в XVI в. проявлялось и в попытках идеологически укрепить этот культ как культ государственный, тем более, что князь Александр Ярославич был родоначальником правящей династии московских великих князей: первый московский князь Даниил был его младшим сыном.

В XVII в. первые цари новой династии Романовых заботились об увековечивании памяти Александра Невского: патриарх Филарет Никитич построил в его честь первый собор в Кремле над Тайницкими воротами (ок. 1630 г.), цари Михаил и Алексей и их приближенные участвовали в крестных ходах и ежегодных церковных празднованиях дня памяти Александра Невского — 23 ноября; литературная работа над текстом Жития Александра Невского продолжалась, хотя и не так ин-

тенсивно, как в предшествующем столетии: возникают 11, 12, 13, 14, 15-я редакции Жития Александра Невского — Тита, вторая переделка редакции Василия, светская переработка Жития из Никоновской летописи, Викентия, вторая переделка редакции Ионы Думина. Редакции XVII в., кроме светской переработки из Никоновской летописи, полностью отвечают поддерживаемой московскими церковными кругами тенденции изображать князя Александра в облике монаха-схимника, подчеркивая его христианские добродетели: смирение, нищелюбие, кротость, терпение, послушание; много внимания уделялось и так называемым «посмертным чудесам», из десятилетия в десятилетие неуклонно рос перечень исцелений, якобы совершившихся у его раки, самовозгорания свеч и других действий; последние иногда носили ярко выраженный патриотический характер. Таковы восстания Александра Невского из гроба для помощи Дмитрию Донскому против Мамай (1380 г.) и Ивану Грозному против Девлет-Гирея (1572 г.). Перечень чудес у раки непрестанно увеличивался вплоть до первого десятилетия XVIII в. Так, в списке середины XVIII в. Жития Александра Невского в редакции Викентия, присланном в 1772 г. из Владимира в Петербург, добавлены рассказы о четырех чудесах, совершившихся у гробницы князя Александра: 1) «О жене разслабленной» — жене посадского человека г. Владимира Василия Григорьева, 2) «О слепом человеке» — Давиде Иосифове, 3) «О недужном отроке» — Иоанне, сыне владимирского дворянина Максима Сергеевича Никитина, 4) «О безумном человеке» — крестьянине из деревни Угримовы Афанасии Никитине; последнее из них датируется 10 марта 1706 г.¹

Все 15 редакций Жития Александра Невского XIII—XVII вв., а также службы в его честь, краткие «памяти», похвальные «слова», летописные рассказы достались XVIII веку в наследство от предшествующих столетий. Все они не только читались в XVIII в., но и часто переписывались; более того, в XVIII в. создавались новые редакции Жития Александра Невского.

Первая из них (16-я по порядку)² редакция Жития связана с поворотным пунктом в истории культа Александра Невского: из владимирского святого он превращается в покровителя Петербурга.

«Подражатель вторы Невски и мореваряжски Александр»,³ Петр Великий продолжил и завершил дело князя Александра Ярославича — вернул России ее исконные земли. Основанный в устье Невы в 1703 г., Санкт-Петербург нуждался в духовном покровителе и защитнике. Летом в 1710 г. на месте бывшей шведской крепости Ландскрона в урочище «Виктори», у впадения Черной речки в Неву, был основан монастырь в честь Троицы и Александра Невского. Однако мысль о строительстве монастыря и возможном перенесении мощей Александра Невского из Вла-

¹ Ркп. ГПБ, собр. СПб. Духовной академии, № 273, лл. 39 об., 41 об.—42 об.

² В известных монографиях В. Мансикки и Н. И. Серебрянского эта редакция не рассматривалась, см.: В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. — ПДП, т. CLXXX. СПб., 1913; Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

³ Так назвал Петра I дворянин А. С. Полозов, участник Северной войны (ркп. БАН, собрание текущих поступлений, № 328, л. 28). С Александром Невским сравнивал Петра Великого и Феофан Прокопович: «Се идеже Александр Святый поселя малое семя, тебе превеликая угобзися нива, где он трудился, дабы не безвестна была граница Российская, ты Престол Российский тамо воздвигл еси» (см.: «Слово в день святого благоверного князя Александра Невского, проповеданное Феофаном, епископом псковским, в монастыре Александро-Невском при Санкт-Петербурге 1718 году. Печатано при Санкт-Петербурге в Троицком Александро-Невском монастыре 1720 году, марта в 15 день», лл. 8 об.—9).

димира на берега Невы родилась у царя гораздо раньше: согласно известию Александро-Невской летописи, еще весной 1704 г. царь Петр выбрал место для монастыря и в том же году вызвал в качестве строителя монастыря и главы церковной власти в отвоеванных у шведов землях Ингрии и Корелии архимандрита новгородского Хутынского монастыря Феодосия Яновского.⁴ По словам Александро-Невской летописи, «сей монастырь во имя святого благоверного великаго князя Александра Невскаго государь хотел воздвигнуть для того, что сей великий князь здешних пределов Российских от нападения шведов был всегдашний охранитель».⁵

Первым протектором Александро-Невского монастыря был Александр Данилович Меншиков. Победы Меншикова на Ижорской земле дали повод Феофану Прокоповичу сравнить его с Александром Невским: «Чудное воистину смотрение! Аки бы отродился нам Невский оный Александер: тоежде имя, таяжде храбрость, тоежде благочестие, единой и тоейжде земли обладатель, единаго и того же народа супостатского победитель».⁶

Царь Петр и его ближайший помощник А. Д. Меншиков непосредственно руководили всем строительством монастыря, призванного быть центром епархиального управления и средоточием культа Александра Невского, нового духовного покровителя Санкт-Петербурга. Уже в ноябре 1710 г. последовал указ церковного главы России митрополита Стефана Яворского о включении в отпусты при богослужении имени Александра Невского как молитвенного предстателя за Невскую страну.⁷ Монастырь богател, разрастался, украшался новыми церквями и строениями, однако благоприятный момент для перенесения мощей Александра Невского не наступал. Наконец, длительная война со шведами была закончена Ништадтским миром (30 августа 1721 г.) и правительство вплотную занялось вопросом об украшении северного «парадиза» священными реликвиями одного из наиболее любимых в народе святых.

29 мая 1723 г. последовал указ императора Петра о перенесении мощей Александра Невского из Владимира в Петербург.⁸ После торжественного перенесения мощей Александра Невского император приказал «к сочиненным святому благоверному великому князю Александру Невскому стихирам и синаксарю сочинить седалищны и канон... и по новой службе вместо преждебывшей этому святому ноября 23 числа службе

⁴ См.: П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях 1703—1782. СПб., 1885, стр. 38, 75—80; примечания, № 158; М. Д. Приселков. Александро-Невская лавра при Петре Великом (к предстоящему двухсотлетию Петербурга). — Странник, Пгр., 1903, № 4, стр. 569—597, № 5, стр. 681—703, № 6, стр. 841—861, № 7, стр. 16—30; С. Г. Рункевич. Александро-Невская лавра. 1713—1913. СПб., 1913, стр. 4—10; Очерки по истории Ленинграда, т. I, Период феодализма (1703—1861 гг.). М.—Л., 1955, стр. 46—47.

⁵ См.: А. Павлов. Описание Свято-Троицкой Александро-Невской лавры с хронологическими списками особ, погребенных в церквах и на кладбищах лаврских. СПб., 1842, стр. 12.

⁶ Феофан Прокопович. Слово похвальное в честь славных дел... Александра Меншикова. Киев, 1709, л. 8. Покровителем А. Д. Меншикова назван Александр Невский и в «Слове» Иоанна Кременецкого (см.: Иоанн Кременецкий. Лавра, или Венец безсмертных славы торжеством побед, похвалы... Александру Меншикову. СПб., 1714).

⁷ См.: П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга с основания города, стр. 32, прим. 157.

⁸ Полное собрание законов Российской империи, т. VII, СПб., 1830, стр. 74—75; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи, т. III, СПб., 1875, № 1065. (Далее ПСПР).

отныне праздновать 30 августа».⁹ 2 сентября 1724 г. Синод заслушал высочайшее повеление, сообщенное архимандритом Феодосием, и поручил составление всей службы обер-иеромонаху флота, советнику Синода, школ и типографий протектору, архимандриту Гавриилу Бужинскому.¹⁰ Один из наиболее талантливых проповедников среди сподвижников Петра, Гавриил Бужинский, по словам одного стихотворца XVIII в., «величие гласил Петровых дел»; сам царь находил, что Гавриил пишет «внятно и хорошим штилем».¹¹

Любопытно, что тема Александра Невского была к 1724 г. уже не новой для Гавриила Бужинского. В «Слове в похвалу Санкт-Петербурга» город восхваляется за расположение у моря, на месте побед Александра Невского.¹² Обращаясь к Петербургу, проповедник призывает: «Не имаши бояться востающих на тя врагов... когда имаши великаго твоего защитителя святаго благовернаго великаго князя Александра Невского».¹³

В «Слове похвальном на день рождения Петра Великого» 30 мая 1723 г. Александр Невский упоминается в числе главных предшественников Петра, его победы сравниваются с победами Сципиона Африканского.¹⁴

Вероятно, в 1723—1724 гг. Гавриил Бужинский написал «Слово похвальное в день празднования святаго Александра Невского» и вместе с тем в день освящения в его монастыре церкви во имя Благовещения пресвятой девы Марии.¹⁵ Это «Слово», однако, не было произнесено. Может быть, из-за того, что отделочные работы в нижней церкви Благовещения еще не были закончены к 25 марта 1724 г., а 25 марта 1725 г., когда, наконец, состоялось освящение храма,¹⁶ материал проповеди уже следовало бы считать несколько устаревшим, так как в «Слове похвальном» не были отражены события перенесения мощей Александра Невского в верхнюю церковь Благовещения 30 августа 1724 г.

Содержание «Слова похального» составляет раскрытие истинного значения жизни Александра Невского — внутреннее и внешнее. Это раскрытие достигается через сравнение трех ипостасей Троицы с тремя

⁹ ПСПР, т. IV, СПб., 1876, № 1347.

¹⁰ Там же, №№ 1385, 1347.

¹¹ Евгений, митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви, т. 1. Изд. 2-е, СПб., 1827, стр. 79; Русский биографический словарь. Гааг-Гербель, М., 1914, стр. 31. В 1719—1724 гг. Гавриил Бужинский с блеском произнес немало похвальных «слов» на победы русского оружия под Полтавой, Лесной, Гангутом, на взятии Ноттенбурга, в похвалу Санкт-Петербурга и его основателя Петра Великого, в дни рождения и именин Петра I, Екатерины Алексеевны, царевича Петра Петровича, на погребение фельдмаршала Б. П. Шереметева, памяти апостолов Петра и Павла, Андрея и др. Нам известны 4 издания сборников проповедей Гавриила Бужинского (М., 1722; СПб., 1768; СПб., 1784; Юрьев, 1901), самым полным из них является последнее издание, подготовленное Е. В. Петуховым по автографу Гавриила Бужинского и насчитывающее 45 проповедей (из них 39 издано впервые).

¹² Гавриил Бужинский. Слово в похвалу Санкт-Петербурга и его основателя государя императора Петра Великого. — В кн.: Старина и новизна, ч. I. СПб., 1772, стр. 58.

¹³ Там же, стр. 73.

¹⁴ См.: Проповеди Гавриила Бужинского (1717—1722). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Издал Е. В. Петухов, Юрьев, 1901, стр. 505.

¹⁵ См.: там же, стр. 512—527. Г. Бужинский дал этому произведению латинское заглавие, а Е. В. Петухов перевел его на русский язык. Определение жанра этого произведения как «слова похального» наше: перед нами типичная торжественная проповедь со всеми компонентами, формирующими этот жанр: прославлением мученика «высоким стилем», единством темы, конструктивностью, законченностью.

¹⁶ См.: С. Г. Рункевич. Александро-Невская лавра, стр. 126—127, 132, 135.

ипостасями святости Александра: 1) «промысел о твари», т. е. воинские подвиги князя, 2) «смирение», т. е. смирение перед Ордой ради «целости и безвредия всему народу», 3) «исхождение света и сияние лучей как от св. духа».

Последнее сравнение весьма метафизично и грешит большими натяжками. Первые же два находятся в соответствии с теми толкованиями жизни и деятельности князя Александра, которые мы встречаем у агиографов XVI—XVII вв. и даже у некоторых исследователей XX в., например у Г. В. Вернадского и Н. А. Клепинина.¹⁷ По распоряжению Синода от 16 октября 1724 г. Бужинский должен был «оный Синаксарь сочинить из обретающегося в Прологе жития ево, приложив к тому из бывшей с шведами и окончившейся миром войны краткую историю и перенесение его святых мощей по приличию».¹⁸ Гавриил Бужинский работал в течение почти трех месяцев, и 13 января 1725 г. Синод рассмотрел вопрос о напечатании его книги. 24 апреля 1725 г., уже после смерти Петра Великого, на 27 листах, в 4-ку, вышла в свет первым тиснением книга Гавриила Бужинского.¹⁹ Служба и житие Александра Невского перепечатывались в типографии Александро-Невского монастыря неоднократно: в июле, августе, сентябре, ноябре и декабре 1725 г. и в течение следующего 1726 г. Всего было напечатано около 12 тысяч экземпляров и разослано по всем епархиям.²⁰ В дальнейшем, однако, одно обстоятельство приостановило распространение 16-й редакции Жития Александра Невского: это дело известного врага Феофана Прокоповича — архимандрита Псково-Печерского монастыря Маркелла Радышевского, который усмотрел в новосоставленной службе «великое поношение высокой чести блаженной памяти царевича Алексея Петровича».²¹ В указе Екатерины I от 18 сентября 1727 г. было велено «святаго благовернаго великаго князя Александра службы, которые разосланы по всей Российской империи к церкви, от тех церквей все собрать по-прежнему... и хранить те службы до указа в целости, впредь же празднество великаго князя Александра Невского отправлять по-прежнему по месячной минее».²²

В указе императрицы Анны Иоанновны от 31 августа 1730 г. говорится: «Празднество св. Александру Невскому 30-го августа для чего

¹⁷ См.: Г. В. Вернадский. Два подвига св. Александра Невского. — Евразийский временник, кн. IV, Берлин, 1925, стр. 318—337; Н. А. Клепинин. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. Париж, 1926.

¹⁸ ПСПР, т. IV, № 1453.

¹⁹ «Месяца августа 30 дня. Служба благодарственная богу в Троице святей славимому на воспоминание заключенного мира между Империсю Российскою и короною Свейскою. В той же день празднуется и перенесение мощей святого благоверного великаго князя Александра Невского. Напечатана при Санкт-Петербурхе, в Троицком Александроневском монастыре 1725 лета, месяца априлиа, в 24 день» (Унд. № 1719; Каратаев, № 1518; ГПБ, Отдел редких книг — VII.7.18).

²⁰ См.: С. Г. Рупкевич. Александро-Невская лавра, стр. 549.

²¹ См.: А. С. Родосский. Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке СПб. духовной академии, вып. 2, 1701—1897 гг. СПб., 1898, стр. 62. (Далее — Родосский).

²² ПСПР, т. VI, СПб., 1889, № 2041; Описание документов и дел св. Синода, т. VII. СПб., 1885, столб. 290. Может быть, именно вследствие помянутого выше факта это издание считается малоизвестным и у П. П. Пекарского не упоминается (см.: Родосский, стр. 62; ср.: П. П. Пекарский. Описание славяно-русских книг и типографий 1698—1725 гг. СПб., 1862, стр. 319—320). В XVIII в. служба и синаксарий стали уделом письменной традиции: например, в начале 50-х годов их переписал с печатной книги и снабдил рисунками дворянин А. С. Полозов, бывший вместе с государем участником похода на Гельсингфорс в 1713 г. (Ркп. БАН, собрание текущих поступлений, № 328 (из бывш. собрания академика А. А. Ухтомского), лл. 2—28).

оставлено? А впредь бы отправлять его означенного числа и месяца по церквам неотложно».²³ Впрочем в разных церквах России богослужение Александру Невскому велось по разным книгам, где по месячной минее, где по общей минее, где по «Книге житий святых», куда служба и Житие Александра Невского в редакции Гавриила Бужинского были внесены в середине XVIII в.²⁴ Сопоставление текста Жития²⁵ с текстом его источника — сочиненного еще в конце XVI в. Проложного жития,²⁶ позволяет судить о характере литературного труда Г. Бужинского.

Во-первых, текст нового Жития в конечном итоге отражает псковскую литературную традицию в истории текста Жития Александра Невского, так как старший список Проложной редакции псковский и эта редакция являются результатом переработки и сокращения псковской редакции инока Василия-Варлаама, которая, в свою очередь, дополняет и перерабатывает текст первой редакции Жития Александра по списку Псковской 2-й летописи.²⁷

Во-вторых, текст нового Жития создает и иную традицию, которую следует назвать петербургской; Житию предпослано введение, в котором рассказывается о Северной войне и о перенесении мощей Александра Невского из Владимира в Петербург, а старый текст Проложного жития обработан так, чтобы отвечать новой исторической обстановке. В Житии часто употребляются актуальные для первой четверти XVIII в. географические понятия: «пределы Российския», «Балтийское море», «страна Ижерская», «река Нева...», итже она впадает в Балтийское море». Вместо «римлян», «немцев» и «литовцев» первоначального Жития в новом Житии врагами Русской земли названы «свеи»: «Собрашася со многим воинством круг Балтийского моря жительствующие народы варяги тиижде, что ныне свеи именуемии»;²⁸ автор подчеркивает, что Александр Невский «не единожды Великий Новъград от оных же свейских сопротивников свобождаше. По преславной бо победе оной, паки онии же (т. е. «свеи» вместо «немцев»! — Ю. Б.) собравшеся нападаша на град Псков... нетерпя же сего, блаженный Александр... избиста сопротивных свеев».²⁹ Вместо «моавитян» первоначального Жития «в свейском народе имя Александрово страшно и ужасно бяше».³⁰ Вместо «свеи» Гавриил Бужинский иногда употребляет словосочетания «сопротивное воинство», «сопротивные», «сопротивные иноплеменники»; в конце концов автор нового Жития все же вынужден признать, что Александр Невский «не токмо же от единых свеев, но и от других порубежных языков избавляше Российскую землю».³¹ В духе древнерусской литературы Александр Невский изображается могущественным государем, при жизни

²³ ПСПР, т. VII, № 2372.

²⁴ См.: С. Г. Рункевич. Александр-Невская лавра, стр. 565—566.

²⁵ Здесь и далее 16-ю редакцию Жития Александра Невского мы будем называть «новым Житием» в отличие от «Проложного жития».

²⁶ Ркп. ГБЛ, собр. Н. П. Румянцова, № 397, лл. 348 об—353.

²⁷ См.: В. Мансикка. Житие Александра Невского, стр. 126—142; Н. И. Себрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 217.

²⁸ Житие Александра Невского, лл. 21 об.—22. В Проложной редакции здесь читается: «Посем же приидоша от западных стран человецы немцы, иже нарицаются слуги божия, видети возраст блаженнаго Александра. Видевше же святаго возраст и красоту лица его, и велии почюдившеся и шедше поведаша кралю своему части Римския Нестеру Вельгеру о красоте его и о возрасте» (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, Славяно-русский пролог, ч. 1. Под ред. А. И. Пономарева, СПб., 1896, стр. 55).

²⁹ Там же, л. 24—24 об.

³⁰ Там же, л. 24 об.

³¹ Там же.

которого «никто же не токмо смеяше, но ниже мысляше, ведая толь мужественнаго князя, нападати на пределы Российские».³²

В текст Жития Гавриил Бужинский вносит небольшие пояснения. В начале Жития об Александре Невском: «...обладающу же отцу его Ярославу в граде Владимире, а сему святому живушу и правительствующу в Великом Новеграде»;³³ король свейский «умысли изыти на пределы Российския, хотя страну Ижерскую... пленити», князь Александр «получил победу и землю Ижерскую и Великий Новград свободы от сопротивных, и от сея победы преславныя над Невною наименован Невский», князь Александр «возрати (Псков) к своей державе», князь Александр принял схиму «с великим усердием», владимирский монастырь Рождества Богородицы назван «велицей обителью» и др.

Подвергся распространению и рассказ Проложного жития о Невской битве. Подробнее рассказывается о сборах князя Александра в поход: «Не имущу же святому Александру в готовности собранного воинства, ниже могущу скорого ради неприятелскаго нападения возвестити во Владимир ко отцу своему Ярославу, дабы пришел в помощь. Сам точию един на единого в троице славимаго бога возложив упование»³⁴ и т. д.; близ Невы русская дружина «ополчнися не далече сопротивнаго воинства». Некоторые изменения внесены в рассказ о видении Пелгусия: «Тогда при святом... муж благоговейный... и повелено, да идет и соглядает тайно силу сопротивных»; увидев вражескую рать, Пелгусий «в недоумении и страсе быв»; Борис и Глеб, «некия мужи благолепныя», стояли посреди «корабля», а не «насада»; в ответ на предложение Бориса поспешить на помощь сроднику своему «отвеща другий: „Добре, брате Борисе“, «слышав же сия реченый страж ужасом одержим»; «свеи» побежали «безчестно»; подчеркивается помощь богоматери, Бориса и Глеба и Троицы и ни слова не говорится о св. Софии, которая была патрональной святыней Новгорода Великого.

По сравнению с Проложным текстом, в новом Житии опущено кое-что из характеристики князя Александра как образцового христианина: 1) «Из млада же благочестивый князь Александр Христа возлюбив и пречистую богородицу и вся святые по велику же убо чтыше и иерейский чин, яко слуги божия, и иноков зело любляше, тако же и нищих миловаше, и от всякия неправды отгребаяся, сиротам и вдовицам заступник, и беспомощным помощник, не изыде бо из дому его никто же тощ, и тщама нѣдрама».³⁵ 2) «Святый же князь Александр со архиепископом вниде в соборную церковь святыя Софии и со слезами помолвися господу богу и пречистой богородице и святым страстотерпцем Борису и Глебу, падши на землю, и по молитве востав».³⁶

Сравнение рассказа Жития о Невском сражении с аналогичным рассказом «Слова похвального в день празднования святаго Александра Невского» обнаруживает, с одной стороны, сходство с основной канвой событий одной из прежних редакций Жития, может быть Проложного жития, на которое проповедник ссылается как на «Историю», и, с другой

³² Там же.

³³ Там же, л. 21 об. В Проложной редакции здесь читается следующее: «И тако ему живушу в Великом Новеграде и от бога порученную ему власть добре правящу» (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, стр. 55).

³⁴ Там же, л. 23—23 об. В Проложной редакции здесь сообщается, что «тако же и отцу его Ярославу не бе ведомо таково нахождение безбожных, к тому же Александр не успе послати и во Владимир ко отцу точию в помощь призвав» (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, стр. 55).

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

стороны, обнаруживает различие в манере изложения. Рассказ «Слова похвального» строится в духе эпидейктического красноречия витийственным, многословным, с обилием уподоблений Александра Невского то с кормчим, правящим кораблем в бурю, то с библейскими Иовом, Авраамом, Гедеоном, то с императором Константином Великим; используется даже известное выражение Гая Юлия Цезаря: «veni, vidi, vici» («изыде, виде и победи»); враги Русской земли персонифицируются в образе коварного «льва свейского», «восстающего в лютости своей».³⁷

Различие между «Словом похвальным» и новым Житием объясняется избранным Бужинским жанром: в первом случае это торжественная проповедь, во втором — произведение агиографии. Последнее строится в полном соответствии с основными канонами жанра, но с «поправками на современность». Так, о походе сына Александра Невского князя Дмитрия в 1262 г. на Юрьев в новом Житии Александра Невского рассказывается с «поправкой на современность»: «При море Балтийском и в других западных странах начашася смятия, и тогда против оных сопротивных иноплемеников посла святыи сына своего Дмитрия со многими полками».³⁸

Заключительная часть нового Жития — «и многа исцеления подавахуся от гроба его с верою приходящим, иде же пребыша мощи его 462 лета донележе пренесены быша в царствующий Санкт-Петербурх и положсны в храме его в преименитой обители пречистыя и живоначальныя Троицы, именуемой Александро-Невской...»³⁹ — перекликается с начальной его частью, полностью сочиненной Гавриилом Бужинским. Здесь вначале излагаются причины войны «с порубежным народом свейским»: из-за «неправедно завладенных ими» Ижерской страны с древними русскими городами Орешек и Ивангород, из-за «обид и поругания самому его царскому величеству и посланником его в Риге граде учиненную», из-за «творимого у христоненавистной Порты оттоманской к разорению мира с Россиею и восприятию брани возмущения».⁴⁰ Затем рассказывается о «новозаложенном граде от имене святого первоверховнаго апостола Петра Санкт-Петербурхом именованном», построенном «ради обучения народа своего в мореплавании».⁴¹

Далее в новом Житии рассказывается об устройстве «преславной обители над Невою» и о желании царя Петра перенести мощи Александра Невского из Владимира в Петербург «на вящее граду украшение» и «в прославление трудов и подвигов над Невою рекою» сродника своего князя Александра. Однако осуществлению этого намерения мешали длительная война со шведами и «смятия... от злоковарных мятежников», — вероятно, намек на сопротивление оппозиционной группы царевича Алексея.

Наконец после заключения Ништадтского мира Петр Великий «от гожде не отступи доброжелательного намерения, но по совету со святейшим Правительствующим синодом повеле ради пренесения мощей устроить благолепнейшую раку».⁴²

Затем рассказывается, как 30 августа 1724 г. «сам благочестивейший император со всем государским своим домом, сугклитом и всем освященным собором в сретение изыде и взявше честно при брезе раку со оными

³⁷ Проповеди Гавриила Бужинского, стр. 519—520.

³⁸ Житие Александра Невского, л. 26 об.

³⁹ Там же, л. 22.

⁴⁰ Там же, л. 21.

⁴¹ Там же, л. 21 об.

⁴² Там же, л. 22—22 об.

святыми мощами принесоша и положиша в прежде помянутой преславной обители со всяким благолепием и узакониша соборне память святого благовернаго великаго князя Александра, иже празднуема бе ноемвриа 23 дне, в вечныя роды праздновать августа 30 в онъ же и пренесения мощей его и свейская браць желаемым окончася миром». ⁴³

Вводная часть нового Жития имеет лишь чисто внешнее сходство с древнерусскими сказаниями о перенесении мощей. Здесь нет типичной для средневековых сказаний мысли о божественной воле, которая через посредство видения или знамения вселяется в сердце праведнику, велит ему найти и перенести мощи святого из одного места в другое. Здесь нет обычных для подобных сказаний перечислений христианских добродетелей святого и чудес, свершешных им. Не рассказывается и о плаче жителей того города, откуда уносятся мощи. Митрополит или епископ, обычный герой подобных сказаний, встречающий мощи при большом стечении народа, со всем чином церковным, со свечами и с кадилы и с темьяном, здесь даже не упоминается. При перенесении мощей не случается никаких знамений, никаких чудес, ⁴⁴ здесь воля и желание царского величества определяют все; всем событиям дается реально-историческое, а не сверхъестественное объяснение, начальная часть более, чем другие части нового Жития, принадлежит XVIII веку, представляя собой краткую объяснительную записку по истории Северной войны и перенесения мощей Александра Невского. Тем самым Гавриил Бужинский совершенно ясно проявляет стремление к обновлению стиля старых житийных произведений за счет стиля исторического повествования типа реляций.

Возвращаясь к тексту новой редакции Жития, отметим интерес Гавриила Бужинского к рассказу о поездке князя Александра к хану Батюю в Орду.

Интерес Гавриила Бужинского к этому тексту станет понятнее, если вспомнить, что весь эпизод о хождении князя Александра к Батюю именно в этой редакции впервые появляется из-под пера писовича Василия-Варлаама. Последний попытался объяснить более чем странный факт, почему два русских князя, два святых, бывших в Орде примерно в одно и то же время, имели такие разные судьбы: князь Михаил Черниговский был замучен за отказ поклониться солнцу и огню, а князь Александр Невский был отпущен с великою честью. Псковский писатель создает целую легенду о том, что якобы князь Александр также отказался поклониться солнцу и идолам, но был пощажён «чести славы ради его», «красоты лица, величества тела и храбрости». ⁴⁵ Автор Проложной редакции, сокращая этот рассказ, вводит еще мудрый ответ князя Александра Батюю, похожий на ответы князя Михаила Черниговского Батыевым волхвам и Елабуге: «Царю, тебе поклонюся; бог бо почти тебе царством, твари же не поклонюся, яко вся создана суть человека ради. Богу же единому, ему же служу и его же чту, тому поклонюся». ⁴⁶

⁴³ Там же, л. 22 об.

⁴⁴ Ср.: И. А. Шляпкин. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам (с факсимиле рукописи XIII—XIV века). — ПДП, т. X, СПб., 1881.

⁴⁵ В. Мансикка. Житие Александра Невского. Приложение, тексты, стр. 44—45.

⁴⁶ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, стр. 57; ср., например: Житие Михаила Черниговского. — В кн.: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, приложение, стр. 56, 57 («Тако есть вера христьянская, не поклоняются твари, но поклоняются отцу и сыну и святому духу... тебе, царю, кланяюся, понеже бог поручил ти есть царство света сего»).

Гавриил Бужинский сохраняет все добавления составителя Проложной редакции и вносит еще и свои. Так, вначале сообщается: «В та же времена воста безбожный царь татарский Батый, иже многия Российския земли пленив, прииде со мноюю силою на землю Российскую и грады многи взят и инныя же до оспования разорил»; рассказывая о поклонении идолам, автор добавляет: «В неже вероваху злочестивии оныя варвары»;⁴⁷ повествуя о том, как Батый отправил послов в Суздаль, Гавриил Бужинский добавляет: «Услышав же оный вселютый Батый о сем святом Александре, яко по отце своем восприял великое княжение Владимирское и всея России, не неведый же и о мужестве его».⁴⁸ Распространен рассказ о том, что подумал великий князь, когда услышал о грозном приказании хана Батыя: «...разсуждая лютость и свирепство варварское, имея во уме прочих князей во Орду ходивших и инных постоянно исповедавших имя Христова, любя умученных; других же немогущих претерпети жестоких мучений, Христа отвергшихся»;⁴⁹ распространен и рассказ о том, как наставлял тамошний епископ князя Александра: «...и не убоится от убивающих тело, и яко погубивый душу свою за Христа и евангелие приобретае ю в животе вечном. „Не сотвори, рече, яко же инии мнозе сотвориша, но аще непременно ти приключится, постражди, яко добрый воин Иисус Христов“, и ина многая в пользу изрек святому Александру, вся сия обещавшемуся сотворити»;⁵⁰ в характеристики хана Батыя, волхвов и князя Александра добавлены небольшие подробности: хан Батый «неукосне» повелел привести святого, волхвы названы «жрецами идолстими», которые «нудяше» Александра поклоняться солнцу и огню, князь «мужественно» им ответил, и волхвы «со гневом» от него отошли.

Сравнение рассказа нового Жития о поездке Александра Невского в Орду с аналогичным рассказом «Слова похвального в день празднования святого Александра Невского» обнаруживает, с одной стороны, сходство в оценочных характеристиках татар как «злочестивых варваров» и подвига святого как образца смирения и самоотвержения, с другой стороны, обнаруживает различие в манере изложения: «Слово» построено как ораторское произведение, Житие — как памятник агиографии домонгольского времени.

В авторе переработки рассказа нового Жития о поездке Александра Невского в Орду мы видим умного пастыря, желавшего подчеркнуть не только смирение святого и его самоотверженность, но и роль епископа в наставлении светских властителей. В подобном наставлении проповедник видел свое назначение как учителя, который и в период петровских реформ и в послепетровский период продолжает оставаться пастырем российской церкви.

Петербургско-псковское по своей тенденции, новое Житие призвано было заменить другие жития Александра Невского — новгородских и особенно владимирских редакций. Те обстоятельства, что Александр Невский изображался в новом Житии как новгородский князь по преимуществу и что о чудесах от раки его во Владимире было как бы забыто, символизировало разрыв со старой владимирской традицией.⁵¹

⁴⁷ Житие Александра Невского, лл. 24 об.—25.

⁴⁸ Там же, л. 25.

⁴⁹ Там же, л. 25 об.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Неудовольствие прежними сочинениями об Александре Невском выражал и Феофан Прокопович: «Жаль вельми, яко времена оная малоискусная в деле книжном

Внесение нового в идейно-художественную структуру Проложного жития («поправки на современность», распространение рассказа о Невской битве, сокращение церковной характеристики князя Александра во всех случаях, кроме одного — рассказа о хождении в Орду, присоединение к новому Житию введения — Синаксаря и т. д.) привело к тому, что Бужинскому удалось создать особую редакцию Жития Александра Невского, отвечающую эпохе.

Приемы изображения Александра Невского в новом Житии находились, в основном, в соответствии с современными ему приемами иконографии, регламентируемыми постановлением Синода от 15 июня 1724 г.: «Святого благоверного великого князя Александра Невского... отныне... в монашеской персоне никому отнюдь не писать... а писать тот святого образ во одеждах великокняжеских».⁵² Краткая проложная редакция как раз предоставляла простор именно для светского, воинского истолкования образа Александра Невского. И в ней и в ее переработке XVIII в. Александр Невский предстает перед нами более как храбрый, доблестный, мужественный полководец, нежели как подвижник-монах.

Кроме Жития, в первой четверти XVIII в. были составлены три службы Александру Невскому. Первая — около 1713 г. Косьмой Любимовым, крепостным князя Алексея Долгорукова, оставшаяся в рукописи.⁵³

Вторая — также около 1713 г. Феофилактом Лопатинским, ректором Московской духовной академии. Она была напечатана Синодальной типографией в Петербурге в 1714 г. в количестве 30 экземпляров.⁵⁴ В 1724 г. эту службу дополнил Гавриил Бужинский.⁵⁵

Пока мы не располагаем текстами Первой и Второй служб и поэтому ограничимся рассмотрением только Третьей службы, не отделяя в ней текст, принадлежащий Феофилактору Лопатинскому, от текста, принадлежащего Гавриилу Бужинскому.

Служба Александру Невскому в полном соответствии с традицией древних служб греко-православной церкви содержит стихеры служб «на малой вечерни», «на велицей вечерни», «на литии», седаљни, подоби, величания, каноны, кондаки, чтения на литургии из Евангелия и Апостола. Содержание этой службы выходит за рамки церковного прославления святого, так как содержит большой материал, относящийся к событиям первой четверти XVIII в. Прежде всего славится победа над Швецией и победитель шведов Петр Великий, даровавший России

и неприлежная ко историям, не оставиша нам пространней о нем повести, а имели бы мы, надеюся, много полезная учения» («Слово в день святого благоверного князя Александра Невского», л. 6 об.).

⁵² ПСПР, т. IV, № 1318.

⁵³ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего Правительствующего синода, т. I (1542—1721). СПб., 1868, № 159.

⁵⁴ Служба св. благоверному великому князю Александру Невскому. СПб., 1714 (Сопиков, № 1235; Ундольский, № 1529; Сахаров, № 1186). Напечатана в 30 экземплярах, очень редкая, в ГПБ, БАН, ГБЛ, ГИМ, ЦГАДА отсутствует (ср.: П. П. Пекарский. Описание славяно-русских книг и типографий 1698—1725 гг., стр. 319—320; Родосский, стр. 62; А. В. Гаврилов. Очерк истории СПб Синодальной типографии, вып. 1, 1711—1839. СПб., 1911, стр. 14).

⁵⁵ «Месяца августа 30 день, Служба благодарственная богу в Троице святей славимому на воспоминание заключенного мира между империею Российскою и короною Свейскою. В той же день празднуется и перенесение мощей святого благоверного великого князя Александра Невского. Напечатана при Санкт-Петербурхе, в Троицком Александроневском монастыре 1725 лета, месяца априла в 24 день», лл. 1—19. (Далее указания на листы в тексте).

долгожданный мир. Россия сравнивается с Агарью, женой Авраама, которая, изнемогая от зноя, «возопи» к господу, и ей ангел показал источник текущей воды. Так и Россия, изнемогающая от войн, возопила к господу, чтобы тот дал ей источник мира. Теперь, после «неизреченных и жестоких браней, пределы наши миром ограждены», и окрестные народы, «аки предвидяще и завидяще будущему России благополучию», препятствовавшие развитию у русских «искусства воинского, мореплавания, познания учений и художеств», — ныне посрамлены. И все это случилось потому, говорится в службе, что «всему положи Петр основание на твердом камени надежды в бозе» (л. 3 об.). К России авторы службы обращаются со следующими словами: «Возведи окрест очи твои, Россие, и виждь се бо распространишася пределы твоя, приусугубишася от запада, севера и юга чада твоя и промыслу вышняго по бранех в мире воспой песни твоя» (л. 11—11 об.), и далее: «Веселися Ижерская земля и вся Российская страна, Варяжское море восплеци руками, Неве реко распространи своя струи: се бо князь твой и владыка от ига свейскаго ты свободивый, торжествует во граде божи, его же веселят речная устремления» (л. 4).

Вновь обращаясь к России, авторы службы говорят: «Созидай грады твоя новыя, Россие, утверждай миром пределы твоя, господь с тобою, господь помощник: даждь убо славу имени его, преславно ныне прославившаго тя. Не тужи ныне, Россие, дни прежня и лета прешедшая скорбная поминаючи: егда бедствиями, аки потрясая от востока, юга и севера смущаемая, внутрь же мятежными несогласии раздираемая» (л. 14—14 об.).

Авторы службы призывают «российские народы воспеть новую песнь хвалы и славы богу, и ныне Петром избавивый от бед Россию» (л. 5 об.). «Воинство российское во бранех премудростию исполнившаго и российскими кораблями Балтийское море украсившаго: град сей воздвигшаго и прославившаго и потоком сладости твоя нас насыщающаго» (л. 19).

Проникновенным чувством насыщена заключительная молитва к князю Александру: «Велий щит и крепость в Российской земли, Александре, обрел еси, православным же императорам нашим похваление, и ныне молимся ти, сохраняй отечество твое от языка чуждаго» (л. 17 об.).

Итак, победы русского оружия в Северной войне авторы служб ставят в прямую зависимость от деяний Петра Великого, подражавшего Александру Невскому, и от заступничества князя Александра за Россию. Служба Гавриила Бужинского — это апология или панегирик возрождению России. В этом заключается глубокий патриотический смысл рассматриваемого произведения, в котором новое содержание облечено в старую форму церковной службы.

Насколько актуальным было каждое слово новосоставленной службы, свидетельствует дело Маркелла Радышевского, который усмотрел в службе «великое поношение высокой чести блаженной памяти царевича Алексея Петровича».⁵⁶

В самом деле, Гавриил Бужинский совершенно недвусмысленно заявил о своей полной поддержке внутренней политики Петра, политики реформ, вызывавшей злобное противодействие у окружения царевича Алексея. Однако его попытка церковного осуждения замученного в Петропавловской крепости царевича Алексея (1717 г.) оказалась несостоя-

⁵⁶ Родосский, стр. 63.

тельной: после смерти Петра I вновь подняли голову те, кто препятствовал или втайне недоброжелательствовал великому преобразованию; в результате жалоба Маркелла Радышевского имела успех и привела к временному изъятию службы из употребления.

На этом мы ограничиваем наш разбор произведений первой четверти XVIII в. об Александре Невском. Рассмотрение древнерусских традиций в изображении Александра Невского в первой четверти XVIII в. вполне подтверждает тезис Д. С. Лихачева о том, что в XVIII в. «можно говорить о древнерусской литературе после древнерусской литературы».⁵⁷

⁵⁷ Д. С. Лихачев. В чем суть различий между древней и новой русской литературой. — ВЛ, 1965, № 5, стр. 170—186.